

Умные КОИБы подмигивали то зеленым, то красным глазом

Необычный день

В ИРКУТСКОЙ области 14 сентября был необычный день. В воскресенье во многих школах (именно там располагается большинство избирательных участков) былолюдно. Все 1228 участков открылись, как того требует законодательство, в 8 утра, а закрыли двери для избирателей в 20 часов. Кроме членов избиркомов воскресенье на работе провели наблюдатели от политических партий и кандидатов, а также представители средств массовой информации.

Охрану общественного порядка осуществляли более двух тысяч полицейских. Все избирательные участки, на которых проходило голосование (досрочное голосование стартовало в регионе с 3 сентября), были заранее взяты под круглосуточную охрану. С 12 сентября весь личный состав Главного управления МВД России по Иркутской области был переведен на усиленный вариант несения службы.

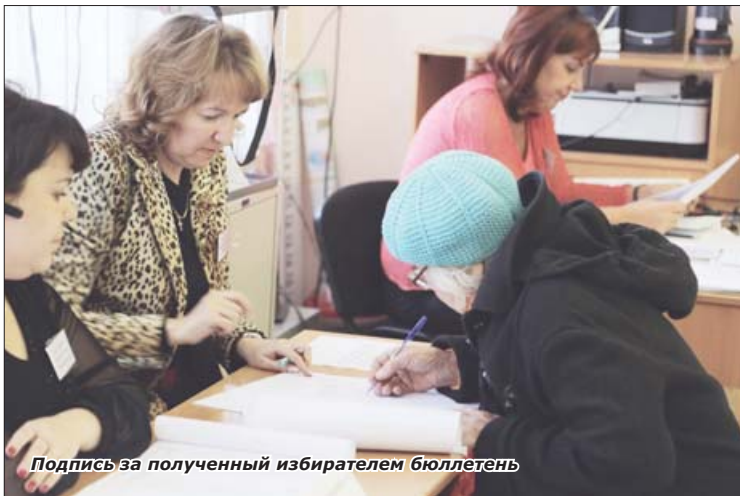
Консолидация усилий принесла свои плоды. Во всех муниципалитетах выборы состоялись. Избраны главы, мэры и депутаты. О ходе голосования лучше всего расскажут кадры, снятые на избирательных участках.

Фото А. Федорова, Е. Григоровой

Не все кандидаты отважились представить свои фото для информационных стендов

РЕПОРТАЖ

Подпись за полученный избирателем бюллетень

Впервые все избирательные участки оснащены прозрачными ящиками для голосования

А город жил обычной жизнью

Иногда наблюдателей больше, чем избирателей

Круг чтения

ЗАВЕДУЮЩАЯ музеем-усадьбой В.П. Сукачёва Наталья Гончаренко влюблена в книги с детства. Ей нравится перечитывать русских классиков и находить подтекст в произведениях детских писателей. Она писала диплом по политике Ришелье и знает, что образ кардинала, созданный Дюма, мало соответствует исторической правде.

Книги с запахом меда

– **Наталья Валерьевна, интерес к французской литературе у вас сохранился или сейчас работа вытесняет всё, что не связано с музейным делом?**

– Когда в студенчестве я писала научную работу о роли кардинала Ришелье, а потом в аспирантуре изучала политику генерала де Голля, то читала больше французской литературы. Сейчас читаю меньше, но Франция остается для меня мечтой и любовью. Возможно, это идеализированный образ. Мне, безусловно, нравятся и французские авторы, хотя в последнее время читаю больше британских писателей.

– **Почему так сильно изменились литературные предпочтения?**

– Человек с возрастом меняется. Я сегодняшняя так мало имею общего с Натальей Гончаренко, которая жила 10 и тем паче 20 лет назад. В юности мое восхищение Францией и ее литературой возникло под воздействием творчества Жюль Верна, Александра Дюма. Этот романтический настрой стал толчком для возникновения моих научных интересов. Потом я стала старше, и изменились мои литературные предпочтения. К примеру, это лето прошло у меня под знаком Чехова и Тургенева. Мне по-другому открылись русские классики.

– **А что заставило перечитать русских писателей?**

– Я подумала, надо бы освежить в памяти детали быта, запечатленные в произведениях наших писателей, творивших в XIX и в начале XX века. Мне захотелось глубже почувствовать эпоху, в которую жил основатель нашей усадьбы Владимир Сукачёв. Вот и достала полку книги классиков. Мне очень нравится Чехов, обожаю его литературный язык, он потрясающе разбирается в основе поступков своих героев. Видит добрые движения души даже у отпетых негодяев и опустившихся людей. Он не осуждает и не навешивает ярлыков. А вот Тургенев показался мне несестринским и нарочитым.

– **Какую книгу сейчас читаете?**

– «Хожение по мукам» Алексея Толстого. Я в потрясении. Там описывается Петербург накануне Первой мировой войны, и это настолько похоже на состояние нашей страны, а может, и всего мира в настоящий момент. Когда сместились акценты, и истинные ценности подменяются ложными. В романе описывается, как люди стали придумывать себе пороки и извращения, боясь прослыть пресными. Я подумала, как это созвучно с современной эпохой, сейчас некоторые персоны гордятся если не пороками, то своими откровенными болезненными отклонениями, и это демонстрируется как признак доблести. В то время как истинные ценности – любовь, дружба, верность, уважение – отходят на задний план.

– **Вы сказали, что стали предпочитать английских авторов...**

– Да. Обожаю и часто перечитываю произведения ветеринара Джеймса Харриота и натуралиста Джералда Даррелла. У Даррелла гениальный дар описывать картины природы, мне как сотруднику художественного музея при чтении произведений Даррелла приходят на ум ранние живописные работы Репина. Именно этих писателей я читаю, когда тяжело на душе.

– **То есть вы из тех, кто возвращается к одним и тем же произведениям несколько раз?**

– О, я часто перечитываю созвучные мне по настроению книги. Читая уже знакомое произведение, случается, вдруг находишь не замеченную ранее фразу или потрясающую цитату... Я могу взять и детскую книжку и с огромным увлече-

нием ее перечитать. Недавно вдруг попался в руки томик Николая Носова «Незнайка на Луне». Столько радости получила. Конечно, взрослый читатель видит в этой книге совсем не то, что ребенок. А как же я люблю еврейских писателей!

– **Эфраима Севелю?**

– И его тоже. Регулярно перечитываю «Остановите самолёт – я слезу», хотя Шолом-Алейхема с его тонкой иронией люблю больше Севелю. Хороша Дина Рубина. Не все ее произведения мне кажутся одинаково прекрасными, но, наверное, не могут нравиться все вещи писателя без исключения. У Рубины лучший, на мой взгляд, роман «Белая голубка Кордовы».

– **Есть люди, которые советуют вам книги и попадают в точку?**

– Да, моя мама. Она воспитала в нас с братом привычку читать хорошие книги. Моя бабушка, покидая блокадный Ленинград, вынуждена была оставить прекрасное собрание книг, и фактически формирование новой семейной библиотеки началось уже в послевоенные годы. Родители собирали всю жизнь домашнюю библиотеку, мама пополняет ее и сейчас. Не скажу, что она большая специалист в современных авторах, но литературную классику знает прекрасно.

– **Часто бываете в книжных магазинах?**

– В виртуальных да. В наш век удобнее и дешевле выбрать и заказать книгу через интернет-магазин.

– **Какие книги были у вас настояными в юности?**

– Мне нравилась фантастика Рэя Бредбери. Каждое его произведение, от маленького рассказа до романа, очень гармонично, стройно и продуманно, как бриллиант, в котором безупречно и прекрасна любая грань.

– **А что сохранилось из личной библиотеки Владимира Платоновича Сукачёва, может быть, в письмах он упоминал о своих литературных впечатлениях?**

– К сожалению, Сукачёв по эпистоларному наследию не Толстой и не Пушкин. Было бы прекрасно, если бы Владимир Платонович вел дневник, но чего нет, того нет. Осталось очень мало написанного его рукой. Из личной библиотеки сохранились двухтомник Лермонтова, томик Пушкина, Библия, статистический сборник «Иркутск», поваренная книга и еще пара книг. По этим книгам сложно судить о литературных пристрастиях Сукачёва. Но учитывая, что в архиве музея хранится программка детского литературного вечера, организованного семьей Сукачёва и посвященного Лермонтову, значит, к этому поэту испытывали особую симпатию.

Кстати, мы в настоящее время готовим новый проект в усадьбе, его рабочее название на латыни «Liberi libros», то есть «Свободные книги». Суть проекта в том, чтобы в нашей беседе создать камерные условия для чтения книг. Люди смогут там устроиться в комфортабельных креслах и почитать, возможно, выпить по чашечке кофе или чая, проникнуться музейной атмосферой тишины и покоя. Над претворением этих планов предстоит еще поработать, но думаю, наш проект найдет отклик у посетителей. Ведь интересно читать настоящую бумажную книгу, шелестеть страницами, чувствовать ее запах. У того же Даррелла есть размышления о книгах: «Я всегда поражался, как мало читает средний человек... Есть книги, пахнущие едким дымком горящего угля, есть благоухающие медом»...

– **Наверняка когда-то поваренная книга Сукачёвых пахла медом. Жаль, сейчас этот запах уже выветрился.**

Алёна Сабирова